

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ ЧЕРЕЗ ПОЧИТАНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ РОССИЙСКИХ

Прошло уже более пяти лет с тех пор, как начало формироваться такое понятие, как православная гимназия или православная школа. Одной из существенных проблем такой школы является воспитание наших православных детей в Православии. Основным в этой проблеме является то, что мы живем в таких условиях, в которых опыт дореволюционных школ в преподавании Закона Божия практически неприменим. Мы, конечно, можем и должны учить наших детей основам вероучения. Священной Истории, Истории Церкви, догматике и т. д., но мы также должны понимать, что не это формирует их как православных христиан в современном обществе. Почему?

Дело в том, что современное церковное сознание да и церковное общество в целом находится в достаточно тяжелом состоянии. Создается такое впечатление, что образовалась какая-то брешь. В церковном поколении, в духовной традиции, словами Шекспира, порвалась связь времен между нами, живущими ныне, и нашими святыми предками.

Советская эпоха совершила в сознании сильный переворот, и коммунистическая формулировка, согласно которой Церковь существует для "отправления религиозных потребностей", прочно вошла в сознание советского и постсоветского человека. Давайте посмотрим, проверим себя, зачем мы ходим в Церковь, зачем мы причащаемся, молимся, исповедуемся. В чем для нас заключается духовная жизнь? И если мы будем честны, то в большинстве случаев окажется, что ходим мы только для себя, то есть, чтобы у Церкви взять, получить, унести, устроить свою жизнь. И чаще всего нам нет серьезного дела до тех, кто молится рядом с нами, так как молитва — это тоже наше частное дело. Мы пришли в Церковь получить, Церковь должна нам дать. Все очень просто — для нас обычно так складывается духовная жизнь, все существует для нас: и община, которая должна нас кормить, и гимназия, которая должна решать все наши семейные проблемы. А на самом деле, все наоборот. Это мы должны идти в Церковь, чтобы отдать себя Богу и ближним, это в нас нуждается приход, это мы "живые камни", без которых не может строиться здание Церкви.

Это очень большая проблема, которую все мы призваны решать, — наш низкий духовный уровень — духовное потребительство, которое прежде всех других проблем тормозит духовное строительство нашей Церкви.

И наши дети, учащиеся в православных школах, это сознание уже успели в себе закрепить, уже научились, как можно всем пользоваться, ничего не отдавая.

Наше дело их направить в Законе Божиим, дать им знания Священной Истории и духовных законов. Но дети воспринимают эти духовные дисциплины, не прилагая никакого духовного труда, внешне, минуя душу и сердце. То духовное богатство, которое мы имеем, благодаря крови мучеников и подвигу преподобных, они получают с удивительной легкостью и безответственностью. Именно такое наше состояние является причиной того, что в нашей Церкви до сих пор не сформировалось настоящее, общецерковное почитание наших Новомучеников и Исповедников.

Много говорено о том, что такого грандиозного подвига мученичества и стояния за веру, как в Русской Церкви XX века, не знает история, что количество умученных и пострадавших за веру православную в России превосходит все мартирологи прежних веков вместе взятые. Но тем не менее мы больше знаем и исторически, и своим духовным опытом святых древней Церкви, нам ближе сугубо почитаемые нами великомученики древней Церкви, чем те святые, дети и внуки которых еще живы и известны нам. Однако все мы духовно предчувствуем, что именно подвигом и молитвами наших новых мучеников стоит сейчас наша Церковь, что именно в их "спасительном сеянии" крестного стояния за веру и Церковь лежит надежда на спасение и возрождение нашего православного Отечества.

И тем не менее между нами и ними, между нашей церковной жизнью и их жизнью во Христе лежит брешь, некий провал, разрыв в духовной преемственности. Мистически такая преемственность непрерываема, так как основана на сакральном иерархическом преемстве и единстве Церкви земной и небесной. Но в историческом плане такое может случиться. Сам подвиг новомученичества в России является продолжением всей духовной традиции нашей Церкви и ее естественным результатом. Наша Церковь последовательно, веками готовила себе этих великих святых, хотя до времени подвига мученичества в ее земной истории почти не было. Это естественно именно потому, что Церковь всегда живет подвигом. И в данном случае подвиг монашеского подвижничества, который был особенно очевиден в Русской Церкви, родил небывалый дотоле подвиг мученичества и исповедничества. И наши новые святые явились естественными продолжателями духовных трудов преподобных отцов и святителей. Это особенно видно, когда вспоминаешь о том кощунном изъятии и уничтожении святых мощей. Уже прославленные русские святые как бы изволили пострадать со всею Церковью, отдав свои святые нетленные тела на поругание (святитель Иоасаф Белгородский, преподобный Сергей Радонежский, преподобный Савва Сторожевой и многие другие). Но наша Церковь была поставлена в такие условия, в которых была не в состоянии заступиться за мощи своих мучеников.

Это было трагедией нашей Церкви, когда мы говорили, что нет гонений на Церковь, что в тюрьмах сидят только уголовники, а не мученики. Потом мы боялись поминать их имена в церкви, и несколько поколений выросли с духовным изъяном, не восприняв от наших святых духовной эстафеты. Это очень хорошо чувствовали идеологи коммунизма и атеизма, которые последовательно очерняли и оклеветывали драгоценные имена Царственных страстотерпцев и наших иерархов, запугивая священноначалие, пресекая всякую попытку назидания народа Божия на недавнем подвиге мученичества. Только небольшая группа церковной интеллигенции благоговейно хранила, собирала и через самиздат распространяла драгоценные сведения о жизни святых страдальцев. И великий им за то поклон. Той же Зое Крахмальниковой, несмотря на ее теперешнюю позицию. Церковь молчала, а идеологическая машина работала очень хорошо, создавая своих кумиров, своих героев, свои идеалы для подрастающего поколения, для тех, из кого предполагалось сделать новую формацию, "нового советского человека". Так Богом устроен человек, что он ищет подражания. В нем заложено подобие Божие, и человеческая душа все время ищет подражания, по слову апостола Павла, *подобии мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор 4:16; в Синодальном переводе: *подражайте мне, как я Христу*).

В детском и раннем подростковом возрасте особенно выражено стремление к идеалу, героическому, страдальческому, высокому, чистому, тому, что и является идеалом мученичества. И идеологическая машина создает своих "святых", мифологизированных пионеров-героев, павликов Морозовых и настоящих героев — воинов, память о которых в школе и в обществе начинает походить на религиозное почитание — Дни памяти, торжественные линейки, клятвы о том, что мы будем достойны их подвигов. Возникают уже такие понятия, как "вечная память", почетный караул и т.д. Не стоит об этом, может, и говорить, если бы не одно обстоятельство: эти вещи, с одной стороны, зомбировали сознание детей, с другой — были несомненным ответом на жажду подвига в детской душе. Я это помню по себе. Более того, даже дети из церковных семей после пребывания в советской школе попадали под это ложное обаяние подвигопочитания.

И вот сейчас мы имеем то, что имеем: совершаются официальные канонизации святых новомучеников, составляются тропари и молитвы, пишутся иконы, но так долго ожидаемого общенародного почитания нет. Потому что чтобы почитать мучеников, надо не просто свечи ставить, надо полюбить их подвиг, надо жить подвигом, а такую традицию мы утратили. Поэтому возникает духовная проблема нашего бессилия в почитании святых. Для нас это еще связано с тем, что мы, современные люди, в своем большинстве являемся потомками по кровному родству не мучеников, а наоборот, гонителей и мучителей, в лучшем случае равнодушных, на глазах которых уничтожалась Церковь, а им было — все равно. На нас ложится поэтому особая ответственность перед нашей Родиной и нашей Церковью, так как

слова *кровь их на нас и на чадах наших* к нам тоже относятся. Поэтому проблема перемены сознания является одной из важных в нашей приходской, семейной и школьной жизни. Нам в опыте работы в православной гимназии показалось, что воспитание в детях любви к русским новомученикам, почитание их подвига может стать началом восстановления духовной преемственности и заполнением того вакуума, который существует между внешним знанием о Церкви и духовной жизнью подростка. Приникнув к нашим святым новомученикам, мы, с одной стороны, получим от них духовную помощь, а, с другой — дадим нашим детям реальные, близкие, родные идеалы для подражания.

Конечно, сразу может возникнуть проблема формализации этого прекрасного начинания. Совершенно невозможно идти накатанным светским путем, выпуская стенные газеты и присваивая учреждениям имена.

Но каким образом возможно преодолеть этот духовный вакуум и восстановить эту связь? Здесь, мне кажется, есть возможные пути, которые доступны многим педагогам, семьям и приходам. Это путь свидетельства. Ведь само слово мученик — *мартирсх*, — значит "свидетель". Именно мученичество было наиболее мощным свидетельством о Христе, и мы, слава Богу, еще имеем живых свидетелей о наших новых святых. Кроме того, почти каждый русский храм является свидетельством мученичества, нет в России такого храма, в истории которого не имелось бы своих мучеников и исповедников. И непременной обязанностью каждого прихода является восстановление этой памяти, поиск имен и свидетельств о жизни и страданиях священников и прихожан наших храмов, сугубое молитвенное их почитание.

В храме, в котором я служу, одним из последних священников был отец Владимир Амбарцумов, на дочери которого, Лидии Владимировне, был женат протоиерей Глеб Каледа, светлое имя которого всегда в наших молитвах. 5 ноября 1937 года отец Владимир среди прочих мучеников был расстрелян на полигоне в Бутово. И вот в нашу православную гимназию были приглашены живые свидетели — внуки отца Владимира Амбарцумова, дети отца Глеба — священники Иоанн и Кирилл Каледа. Они не видели, конечно, своего деда, но то, что они рассказали о нем, о том, как хранится в их семье его память, было для детей самым живым свидетельством. Почти три часа, буквально затаив дыхание, около ста детей и учителей в тесном зале после шестого урока слушали очень простой и совершенно потрясающий рассказ о жизни самого обычного священника. При этом о моменте самого мученичества, страданий и пыток отец Иоанн ничего не говорил. То, что мы знаем обычно из житий святых, для нас так и останется тайной. Он говорил не о смерти, а о жизни своего деда, и это свидетельство о его жизни было самым верным свидетельством его мученической смерти. Мне особенно запомнилось, как отец Иоанн говорил о любви отца Владимира к своей жене, очень рано умершей. Отец Владимир стал православным священником, обратившись из протестантов, уже после смерти своей жены. Его как-то спросили, сильно ли он любил ее, и он ответил: "В самом начале — да, я очень сильно ее любил, а потом случилось так, что я не знал, где кончается она и где начинаюсь я...". Один человек пришел в храм к отцу Владимиру и стал рассказывать, что стал по-настоящему верующим, когда случайно явился свидетелем похорон молодой христианки, за гробом которой шел ее муж, и все окружающие были с сияющими глубокими торжественными лицами и в светлых одеждах. "Это хоронили мою жену..." — сказал отец Владимир.

После той встречи мы все, и священники, и ученики, и родители поехали в Бутово в храм Новомучеников Российских на Божественную литургию, и после этого появилась надежда на то, что эта связь восстановлена. Надо только понудить себя, как мы понуждаем себя на всякий подвиг, начать работу в приходе, в школе, в семье по поиску таких свидетельств. Это живой путь восстановления памяти и настоящего почитания новомучеников, так как он основан на настоящей встрече с ними.

Как может обогатиться приходская жизнь, когда в храме есть сугубое местное почитание своего святого мученика, как это и было в древней Церкви. Как много может получить наше православное воспитание, если мы сможем приникнуть к таким высоким образцам жизни во Христе! Все остальное — только за нами, от нас Господь ждет подвига,

движения к нашим святым, еще раз скажу — понуждения, *ибо Царство Небесное нудится*, и через это мы, может быть, окажемся способными вернуть эту утраченную связь.